

Глава 12. Обнуление

На следующее утро за завтраком Цзянь И наблюдал, как Ли Хуэй чуть ли не ныряет головой в миску с лапшой. Тот едва держался на ногах — когда пришло время вставать, медсёстрам пришлось чуть ли не силой вытаскивать его из постели под ворчание и угрозы устроить скандал. Цзянь И протянул руку и коснулся его лба. Разве пациенты с маниакальным синдромом не должны быть полны энергии? Почему этот выглядит как привядший овощ?

— Что там сегодня в расписании? — Ли Хуэй свесил голову, вяло ковыряя палочками лапшину за лапшиной. — Когда мне дадут поспать? Я сейчас просто сдохну, так в сон клонит.

— Утром прилечь не получится. Там реабилитация, потом сеансы психотерапии, — ответил Цзянь И. — Тихий час только в обед.

— Мать твою, я не дотяну, — Ли Хуэй зашатался, он едва удерживал голову. — Можно как-то отменить эту вашу реабилитацию и болтовню? Боюсь, я прямо посреди сеанса начну выдавать свои сны вслух.

Цзянь И, глядя на его комичные попытки не упасть лицом в еду, прикусил губу, сдерживая смехок.

— Не выйдет. Здесь с этим строго.

— Ты что, всю ночь не спал? — спросил Да Нин, задумчиво покусывая свои палочки.

Ли Хуэй, видимо, не ожидал, что Да Нин заговорит с ним. Он с трудом открыл глаза, мазнул по нему взглядом и скорбно кивнул:

— Ага. Сон не шёл, вот и выбрался поболтать с доктором Ляном. Потом он скормил мне какую-то таблетку, и теперь я в таком состоянии. Знай я, что валяться по утрам запрещено, я бы... я бы... — Он сокрушённо зевнул. — Всё, мужики, я труп.

— Ты ночью выходил болтать с доктором Ляном? — Цзянь И резко поднял голову и уставился на него.

— Ну да. Он был на обходе, увидел, что я не сплю, и позвал к ним в ординаторскую.

— Долго вы там сидели? Только вдвоём? — продолжал допрос Цзянь И.

Ли Хуэй посмотрел на него остекленевшим взглядом:

— Вдвоём. Остальные врачи обход заканчивали. Сколько просидели — чёрт его знает, времени не чувствовал. Не очень долго. Он дал мне лекарство и отправил обратно в палату. А что ты так выпрашиваешь?

— Да так, ничего. Просто... если снова не сможешь уснуть, приходи ко мне. Нечего доктора Ляна беспокоить, — пробурчал Цзянь И.

— Ой, забей. Я и хотел к тебе заглянуть, да доктор Лян не пустил. Сказал, что у тебя сон плохой и нечего тебя тревожить, — Ли Хуэй снова принялся брезгливо ворошить лапшу. — Господи, ну и пакость тут готовят.

— А? Он... он говорил обо мне? — Глаза Цзянь И внезапно заблестели.

— Ну да. Он, когда меня в палату отвёл, ещё к тебе заглядывал. Я думал, ты проснулся, но он, кажется, просто посмотрел и ушёл. Я тогда притворялся спящим, боялся спалиться, так что видел только краем глаза. Слушай, ты что, во сне буянишь? Чего он тебя так пасёт?

— Не знаю.

Цзянь И надул губы, изображая безразличие, но внутри у него всё так и запело от радости.

Лян Чэнь чувствовал себя так, словно все студенческие годы, когда он ночами напролёт рубился в игры, разом обрушились на него одной этой сменой. Дело было даже не в каких-то происшествиях — просто необходимость всю ночь держать концентрацию на пределе выматывала до крайности.

— Доктор Лян, вы сейчас домой или в общежитие? Если в общежитие, я забронирую вам койку, — спросила молоденькая медсестра, листая журнал.

— Нет, спасибо, не нужно. Поеду домой, тут недалеко, — Лян Чэнь мельком глянул в окно. — Они уже позавтракали?

— Да. Иду раздавать лекарства. Посидите ещё немного, доктор Чэнь и остальные скоро будут.

— Пойдёмте вместе, — Лян Чэнь потёр глаза и, надев маску, поднялся. — Проверю, как они принимают препараты.

Услышав утром рассказ Ли Хуэя, Цзянь И поначалу почувствовал укол ревности. Ему не нравилось, что кто-то другой может находиться так близко к Лян Чэню. С тех пор как они «заключили мир», у Цзянь И появилось новое, странное чувство собственности. Лян Чэнь был его первым другом — первым, кого он сам, осознанно, выбрал. Называйте это эгоизмом, но Цзянь И хотелось, чтобы Лян Чэнь шутил только с ним и вёл дела только с ним. Поэтому слова Ли Хуэя о ночных беседах заставили его почувствовать себя так, будто у него крадут что-то ценное.

Но потом, узнав, что Лян Чэнь подходил к его кровати, он мгновенно оттаял. Пусть он не знал, как выглядит со стороны, когда спит, но само осознание, что он важен для Лян Чэня, согревало. Он решил, что на дневном свидании с родными обязательно покажет Лян Чэню свои новые рисунки. Пусть тот его похвалит. И пусть все видят — доктор Лян относится к нему лучше всех.

«Как же здорово чего-то ждать», — радостно думал Цзянь И. Это чувство было сродни дневному сну на мягком одеяле под лучами солнца — уютное, тёплое, безмятежное.

— Тебе что, ночью клад приснился? С самого утра сияешь, — улыбнулся Лян Чэнь, подходя к нему. — Ладно, завязывай с телячьими нежностями, рот открой, посмотрю.

— А-а-а... — Цзянь И послушно открыл рот, а потом добавил с хитрой улыбкой: — Есть вещи поважнее всяких кладов.

— Дуралей, — Лян Чэнь легонько ущипнул его за щеку. — Будь умницей. Чтобы завтра, когда я приду, мне не докладывали о твоих новых «подвигах».

— Что? — Лицо Цзянь И вмиг поникло. — Тебя сегодня днём не будет?

— Да, утром я отдыхаю, а после обеда иду на приём в поликлинику, так что сюда не загляну. А что, что-то случилось? — Лян Чэнь отодвинул его в сторону, продолжая осматривать очередь пациентов.

— Тебе обязательно идти в эту поликлинику? — в голосе Цзянь И послышалась острая тревога.

— Конечно, мне нужно учиться. К тому же там всегда завал, пациентов тьма, нужна помощь.

— А нельзя не ходить?! Те люди для тебя так важны?! — выпалил Цзянь И, сверкнув глазами.

Лян Чэнь в недоумении покосился на него, но, не прерывая осмотра очередного больного, ответил:

— Цзянь И, не паясничай. Другие люди тоже болеют, и им тоже плохо. Для врача важен каждый пациент. — Он выпрямился и серьёзно спросил: — У тебя правда какое-то дело ко мне?

Цзянь И, стиснув зубы, яростно мотнул головой.

— Никаких дел. Иди, работай.

— Погоди, — Лян Чэнь схватил его за руку. — Да что с тобой такое?

— Ничего. Я в бешенстве. Отпусти! — Цзянь И вырвался и зашагал прочь.

— Стой! — крикнул ему в спину Лян Чэнь. — Говори нормально, что ты капризничаешь?

Цзянь И только начал разворачиваться, когда раздался голос Чэнь Сяо:

— Доктор Лян, есть минутка? Принимайте смену.

— Да, иду! — Лян Чэнь обернулся на зов, а когда снова посмотрел на Цзянь И, того уже и след простыл.

— Вот же ребёнок, — пробормотал Лян Чэнь, потирая переносицу. — И что я такого сказал?

Весь день Цзянь И был сам не свой. На утреннем сеансе терапии он не проронил ни слова, как бы Ван Юнбо ни пытался его разговорить. В обед отказался от еды, а когда медсестра попыталась настоять, просто перевернул поднос. Чэнь Сяо был на совещании, Лян Чэнь отдыхал — в отделении не нашлось никого, кто мог бы на него повлиять.

Цзянь И пошёл вразнос: не ложился на тихий час, а просто лежал, уставившись в потолок пустым взглядом. Во время посещений он даже не прикоснулся к карандашам — сидел на краю кровати и смотрел в окно. Ли Хуэй, почуяв неладное, благоразумно ретировался в соседнюю палату, а Да Нин, не смея проронить и слова, просто сидел рядом, разделяя его тягостное оцепенение.

Цзянь И сам не понимал, что с ним. Стоило Лян Чэню сказать, что его не будет в отделении, как в груди поселилась удушливая тяжесть. Хотелось крушить всё вокруг. А самое обидное — тот даже не заметил его боли. Цзянь И чувствовал себя так, словно со всей силы ударил по подушке: ни звука, ни отдачи, только бессилие. Внутри всё зудело и чесалось, вызывая тошноту. Его ожидания, его мечты похвастаться успехами — всё рассыпалось в прах.

— Да Нин, — внезапно позвал Цзянь И. — Сколько ещё осталось до завтра?

Да Нин не знал, что ответить. Он долго чесал в затылке, потом встал и пробормотал:

— Пойду... спрошу.

— Не надо, — Цзянь И опустил голову. — На улице ещё светло. Долго ещё.

— Цзянь И, что с тобой? — робко спросил Да Нин.

— Не знаю, — Цзянь И посмотрел на друга. Он и правда не мог облечь свою муку в слова. Он просто ткнул пальцем себе в грудь: — Здесь... свербит и ноет. Так хочется вытащить это изнутри и выскрести.

Да Нин посмотрел на его дрожащие руки и испугался.

— Цзянь И, если тебе так плохо... может, сделаешь электротерапию?

— Нельзя! — Цзянь И испуганно затряс головой. — После неё всё забываешь. Нельзя. Я обещал... я не могу забыть.

— Тогда запиши! — Да Нин выхватил из-под подушки блокнот с ручкой и всучил ему. — Потом прочитаешь, и всё вспомнишь.

Цзянь И взял блокнот дрожащими пальцами. Слезы уже катились по щекам сами собой. Ему было не просто грустно — тело переставало слушаться, сердце колотилось где-то в горле, подкатывала дурнота, а в голове нарастал гул. Те самые голоса... они возвращались, вопя и споря друг с другом. Он с силой ткнул ручкой в висок, лихорадочно листая страницы. Да Нин в

ужасе перехватил его руку.

— Врача! Да Нин, зови врача! — Цзянь И вырвался и вцепился себе в волосы. — Быстрее! Я больше не выдержу!

Да Нин со всех ног бросился в коридор. Цзянь И снова ударил себя по голове, пытаясь сквозь пелену перед глазами найти нужную страницу. Наконец он замер над одним из рисунков.

«Нельзя забывать его имя».

«Нельзя забывать, как он выглядит».

«Нельзя забывать, что он особенный».

«Нельзя забывать...»

— А-а-а-а! — душераздирающий крик сотряс палату.

Цзянь И отбросил ручку и обхватил голову руками. В сознании всё поплыло. Он почувствовал, как чьи-то сильные руки подхватили его, укладывая на каталку. Где-то на самой грани угасающего сознания до него донёлся знакомый голос:

— Сколько раз ему уже делали? Когда был последний сеанс?

— Что? Сколько раз?

—...

— Понял. Держите конечности прямо, расстегните ворот и пояс.

— Дайте карту утреннего осмотра. Точно ничего не ел в обед?

— Шприц.

— Цзянь И, открой рот. Прикуси это. Сейчас станет легче.

Почувствовав резкий укол, Цзянь И механически открыл рот. Перед глазами всё окончательно померкло. В тот миг, когда мир вокруг него закружился и исчез, ему показалось, что кто-то склонился к самому его уху и прошептал что-то очень тихое. Собрав последние остатки сил, Цзянь И вцепился в чей-то рукав и окончательно провалился в небытие.

Ему казалось, что он не спал так сладко целую вечность. Никаких кошмаров, никакой суеты — идеальный, глубокий покой. Проснувшись, он почувствовал странную бодрость и желание хорошенько потянуться.

— О, очнулся. Зовите доктора.

Где-то совсем рядом раздался голос. Повернув голову, Цзянь И обнаружил, что на нём надета кислородная маска, резинка которой больно впивалась в щеку.

— Сестричка, мне... жмёт, — он указал пальцем на лицо.

— Только проснулся — и уже вредничаешь, — улыбнулась медсестра. — Дышать сам можешь?

— Угу, — кивнул Цзянь И. — Только в голове... мутно.

— Это ты долго спал, сейчас расходишься.

Она уже потянулась, чтобы снять маску, как сзади раздалось:

— Позвольте, я сам.

Медсестра обернулась и увидела Лян Чэня.

— Доктор Лян, вы ещё не ушли?

— Ничего страшного, идите. Я присмотрю за ним.

Когда она вышла, Лян Чэнь подошёл к кровати и, наклонившись, осторожно снял маску с лица Цзянь И. Тот хлопал глазами, с любопытством разглядывая его. Убрав аппарат в сторону, Лян Чэнь сел рядом и посмотрел пациенту прямо в глаза.

Цзянь И стало не по себе под этим пристальным взглядом. Он быстро отвёл глаза, лихорадочно перебирая в памяти всех врачей отделения, которых знал, но лицо этого человека было ему совершенно незнакомо. Пришлось притворно закашляться.

— Доктор, а вы...

— Ты забыл даже мою фамилию? — негромко перебил его Лян Чэнь.

— А? — Цзянь И растерялся. — Мы... знакомы?

Лян Чэнь молчал, и выражение его лица становилось всё более суровым. Цзянь И окончательно сник. Опустив голову, он робко прошептал:

— Можно... позовите, пожалуйста... доктора Чэня.

— Цзянь И, посмотри на меня, — попросил Лян Чэнь.

Его голос дрогнул. От этого простого вопроса сердце Лян Чэня будто полоснули ножом. Он

знал, на что шёл, когда назначал экстренную электротерапию. Чем больше сеансов, тем выше риск амнезии. Они были знакомы всего две недели — существовала огромная вероятность, что Цзянь И забудет всё, что произошло с ним за последние два месяца. Но когда теория стала реальностью, Лян Чэнь почувствовал такое сокрушительное бессилие, какого не испытывал даже тогда, когда его бросил Ван Кэцзя. Все усилия, все шаги навстречу — всё стёрто. К тому же из-за побочных эффектов Цзянь И сейчас соображал туго, а его речь стала замедленной. Это пройдёт, но память... память могла уйти навсегда.

«Цзянь И, ну вспомни же...»

«Я твой друг. Ты сам хотел со мной дружить».

«Расскажи мне, что ты хотел сказать утром».

«Расскажи, что случилось днём».

«Только не это. Подними голову».

«Посмотри на меня».

Цзянь И послушно поднял взгляд, и Лян Чэнь окончательно пал духом. В глазах парня не было ничего, кроме холодного недоверия и путаницы. Того живого, искристого блеска, что был утром, больше не существовало.

Пока Лян Чэнь пытался справиться с комом в горле, дверь открылась, и вошёл Чэнь Сяо.

— Доктор Чэнь! — Цзянь И оживился, глядя поверх плеча Лян Чэня. — Я... долго спал?

— Часов восемь. По-твоему, это мало? — улыбнулся Чэнь Сяо, присаживаясь на край кровати.

— Я уж боялся, ты ночью глаз не сомкнёшь.

— Мне очень... хорошо, — улыбнулся ему Цзянь И.

Чэнь Сяо усмехнулся и мельком глянул на коллегу. Лян Чэнь замер, будто не замечая вошедшего. Он не сводил глаз с Цзянь И, следя за каждым его жестом, но лицо его было каменным.

— Доктор Чэнь, — Цзянь И придвинулся ближе и зашептал, косясь на Лян Чэня: — Он... новенький?

Чэнь Сяо застыл. Смысл произошедшего дошёл до него мгновенно.

— Ну же... скажите, — Цзянь И нетерпеливо подёргал его за рукав.

— Э-э... это...

— Я новый стажёр. Можешь называть меня доктором Ляном, — внезапно перебил Лян Чэнь.

Он резко поднялся.

— Мне пора. Закончил смену. Увидимся завтра.

Похлопав Чэнь Сяо по плечу, он стремительно вышел из смотровой.

Как только дверь за ним закрылась, Цзянь И облегчённо выдохнул. Он с наслаждением потянулся и широко улыбнулся доктору Чэню:

— Фух... а то он такой... жуткий. Очень неловко было.

Чэнь Сяо выдавил подобие улыбки. Рука Лян Чэня, лежавшая на его плече секунду назад, была тяжёлой, как свинец. Он буквально кожей чувствовал ту бездну отчаяния, в которую провалился коллега. Покачав головой, Чэнь Сяо протянул руку Цзянь И:

— Давай, помогу подняться. Пора возвращаться в палату.

Лян Чэнь на негнущихся ногах дошёл до ординаторской, побросал вещи в сумку и почти бегом покинул здание стационара. То, что случилось в смотровой, душило его. В университете их учили, как справляться с рецидивами и переменами в состоянии больных, как беречь свою психику. Но теперь, столкнувшись с этим лицом к лицу, увидев этот чужой, настороженный взгляд Цзянь И, он впервые захотел бросить всё и уйти из медицины. Что теперь? Как быть завтра? Попытаться вернуть ему память или начинать всё с чистого листа? Мысли путались. Он задрал голову, жадно хватая ртом холодный воздух, потом обернулся, глядя на окна палаты Цзянь И. В груди саднило от нелепой, детской обиды. Ну как же так...

В кармане завибрировал телефон. Лян Чэнь достал его — звонил Чэнь Сяо. Вытерев лицо ладонью, он нажал на приём.

— Алло, доктор Чэнь. Что-то случилось?

— Лян Чэнь, я просто хотел сказать, что Цзянь И уже в палате, уснул. С ним всё в порядке, — произнёс Чэнь Сяо.

— Понятно. Хорошо... Спасибо, что позвонили, — Лян Чэнь шмыгнул носом.

В трубке повисло молчание. Спустя мгновение Чэнь Сяо спросил:

— Лян Чэнь, ты свободен вечером? Моя смена как раз заканчивается. Если не против, я бы хотел поговорить с тобой. О Цзянь И.